СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XLIII, № 3.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
ЗА 1887 ГОДЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
Я. К. Гротомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1888 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1887 годъ,

составленный предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1887 года.

I.

Въ дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности, согласно съ самымъ назначеніемъ его, на первомъ планѣ стоятъ занятія по отечественной и славянской филологіи и литературѣ; но въ кругъ дѣйствія отдѣленія, на основаніи его устава, входитъ и исторія. Съ трудовъ по этой части, какъ поглощавшихъ въ истекающемъ году значительную долю силъ нашего отдѣленія, я и начну настоящій отчетъ.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ въ истекающемъ году окончилъ печатаніемъ первый томъ *Писемъ и бумагъ Императора Петра Великаго*. Въ этомъ объемистомъ (слишкомъ 60 печатныхъ листовъ) томѣ, составляющемъ начало обширнаго изданія, которое будетъ имѣть весьма важное значеніе для изучающихъ время Петра Великаго, помѣщено съ небольшимъ 400 писемъ и бумагъ Преобразователя Россіи, относящихся къ 1688 по 1701 годъ. Эти документы, изъ которыхъ иные не были еще доселѣ напечатаны, обставлены довольно подробными примѣчаніями. Значительное число писемъ Петра Великаго за указанный періодъ вре-

мени до насъ, къ сожалѣнію, не дошло; изъ писемъ же государя къ нѣкоторымъ лицамъ, напримѣръ: Льву Кирилловичу Нарышкину, Автомону Михайловичу Головину, Гавріилу Ивановичу Головкину, князю Борису Алексѣевичу Голицыну, Францу Яковлевичу Лефорту, Алексѣю Семеновичу Шеину, Прокофію Богдановичу Возницыну, датскому комиссару Бутенанту фонъ-Розенбушу—не сохранилось ни одного. О содержаніи этихъ утраченныхъ писемъ до извѣстной степени можно составить себѣ понятіе по сохранившимся отвѣтнымъ на нихъ письмамъ къ Петру Великому, которымъ по этой причинѣ и дано мѣсто въ примѣчаніяхъ къ тому. Число помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ отвѣтныхъ писемъ разныхъ лицъ къ Петру Великому тоже достигаетъ почтенной цыфры (именно 362). Изъ нихъ значительная часть издается впервые и многія изъ нихъ весьма любопытны по содержанію.

Въ этомъ же году А. Ѳ. Бычковъ приступилъ къ печатанію Сборника такъ называемыхъ *Литовскихъ лѣтописей* на русскомъ языкѣ, очень разнообразныхъ по редакціи и сообщающихъ любопытныя и наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о великомъ княжествѣ Литовскомъ, занимавшемъ довольно видное мѣсто въ судьбахъ нашего отечества.

Исторія, какъ познаніе и разумѣніе прошлаго для руководства въ настоящемъ, нужна не только государствамъ и народамъ, но и отдѣльнымъ обществамъ и учрежденіямъ. Академія Наукъ весьма рано сознала эту потребность, и попытки къ удовлетворенію ея начались очень давно. Самымъ важнымъ и виднымъ въ этомъ отношеніи предпріятіемъ былъ трудъ покойнаго сочлена нашего П. П. Пекарскаго. Начавъ его въ 1863 году, этотъ неутомимый труженикъ съ рѣдкою любовью работалъ надъ выполненіемъ своей задачи, но успѣлъ довести исторію Академіи только до начала царствованія Екатерины II, и со смертію его въ 1872 году дѣло это совершенно остановилось.

Въ 1882 году графъ Д. А. Толстой, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность Президента нашей Академіи, возымѣлъ

мысль положить начало изданію, которое хотя и не можетъ служить продолженіемъ труда Пекарскаго, но должно значительно облегчить такое продолженіе въ будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать средство къ повѣркѣ и пополненію свѣдѣній, сообщенныхъ Пекарскимъ. Изданіе это, озаглавленное *Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ*, содержитъ въ себѣ собраніе расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ документовъ изъ архивовъ канцеляріи и конференціи Академіи, начиная отъ самаго ея учрежденія. Подъ наблюденіемъ академика М. И. Сухомлинова оно подвигается безостановочно. О содержаніи первыхъ трехъ томовъ этого изданія было уже сообщаемо въ отчетахъ за прежніе годы. Въ истекающемъ году появился 4-й томъ, снабженный портретами президента фонъ-Бреверна и академика Рихмана, того самаго, который, какъ извѣстно изъ знаменитаго письма Ломоносова, убитъ былъ громомъ при опытахъ надъ электрической машиной. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ бумаги отъ 1739 по 1741 годъ. Къ этому времени относится вторая половина пребыванія Ломоносова и двухъ его товарищей, Рейзера и Виноградова, въ Германіи, куда они въ 1736 году отправлены были Академіею для изученія химіи и металлургіи.

Въ вышедшемъ томѣ помѣщена любопытная переписка Академіи объ этихъ трехъ студентахъ, ихъ занятіяхъ и поведеніи, сперва въ Марбургѣ, а потомъ во Фрейбергѣ. Поводъ къ жалобамъ подавалъ особенно Виноградовъ. Всѣ трое надѣлали долговъ, и это послужило главною причиною, почему найдено было нужнымъ ускорить ихъ отъѣздъ изъ Марбурга во Фрейбергъ. При этомъ Академія поручаетъ профессору Вольфу выдать имъ на дорогу каждому по 20 рублей и затѣмъ увѣдомить Академію объ ихъ отъѣздѣ и о точномъ размѣрѣ суммы, до которой дошли ихъ долги; когда же все это будетъ исполнено, то какъ по оказавшимся обстоятельствамъ, такъ и по причинѣ чрезмѣрныхъ долговъ этихъ студентовъ, а равно вслѣдствіе дурнаго поведенія Виноградова — войти съ докладомъ въ Кабинетъ Ея Величества. Въ то же время положено написать бергъ-физику Ген-

келю во Фрейбергъ о скоромъ прибытіи студентовъ и отправить туда 300 рублей на содержаніе ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ рекомендовать ему имѣть пристальный надъ ними надзоръ, не давать имъ денегъ въ руки и вездѣ объявить, чтобы никто безъ его вѣдома не оказывалъ имъ кредита, потому что Академія за нихъ платить не будетъ.

Тогда же послано наставленіе самимъ студентамъ. Изъ предшествовавшей переписки видно, что на содержаніе этихъ молодыхъ людей во Фрейбергѣ опредѣлено было отпускать только по 150 р. въ годъ, вмѣсто 300 руб., которые прежде назначены были имъ на прожитокъ въ Марбургѣ, и притомъ выдавать эти деньги не имъ на руки, а бергъ-физику Генкелю, на покрытіе издержекъ на ихъ пропитаніе, квартиру, дрова, свѣчи и прочія надобности.

Въ этомъ же томѣ мы находимъ множество цѣнныхъ свѣдѣній какъ объ общемъ состояніи Академіи, такъ и о членахъ ея. Видимъ, между прочимъ, какія препятствія они встрѣчали въ своихъ занятіяхъ вслѣдствіе тогдашнихъ порядковъ въ общественномъ устройствѣ. Однимъ изъ такихъ неблагопріятныхъ для науки обстоятельствъ были воинскіе постои въ частныхъ домахъ. Такъ, знаменитый математикъ Эйлеръ, жившій въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ, въ 10-й линіи, «недалеко отъ большой прешпективной дороги», въ октябрѣ 1739 года подалъ въ Академію такую просьбу на нѣмецкомъ языкѣ: «Вчера капитанъ фонъ-деръ-Зиге явился ко мнѣ и отвелъ въ моемъ домѣ квартиру 10 солдатамъ Нижегородскаго полка. Такимъ постоемъ я приведенъ почти въ совершенную невозможность исполнять мои обязанности при Академіи, такъ какъ происходящіе отъ того великіе безпорядки и непріятности отнимаютъ у меня способность ко всякому размышленію. Поэтому покорнѣйше прошу Императорскую Академію Наукъ избавить меня, какимъ бы ни было способомъ, отъ этого невыносимаго затрудненія. Въ эту самую минуту ко мнѣ опять приходятъ изъ полиціи и дѣлаютъ во вчерашнемъ распоряженіи ту перемѣну, что

теперь хотятъ навязать мнѣ на шею даже драгунъ съ лошадьми Ямбургскаго полка, а какъ это для меня совершенно невозможно, то я и прошу меня отъ этого обремененія благоволить наипоспѣшнѣйше освободить» (IV, 225). Изъ другой бумаги видно, что Эйлеръ въ то же время обѣщалъ незванымъ гостямъ нанять для нихъ другое помѣщеніе, Академію же просилъ принять на свой счетъ плату за его квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, такъ какъ назначенныхъ ему на этотъ предметъ 60-ти рублей въ годъ недостаточно. Результатомъ было опредѣленіе Академіи просить Императорскій Кабинетъ освободить состоящихъ на службѣ ея лицъ отъ повинности постоя, а пока послѣдняя не отмѣнена, профессоръ Эйлеръ долженъ подчиниться существующему постановленію. Что оно по крайней мѣрѣ черезъ годъ еще не было отмѣнено, доказываетъ поданное Эйлеромъ въ декабрѣ 1740 года доношеніе, въ которомъ онъ снова просить освободить его отъ солдатскихъ постоевъ. Вслѣдствіе ходатайства о томъ президента Бреверна, состоялась резолюція кабинетъ-министровъ: «Ежели у онаго профессора объявленный дворъ — наемный, то постой свесть, а хозяину того двора для постою солдатъ иное мѣсто показать». Но такъ какъ домъ принадлежалъ Эйлеру, то конечно и постой у него остался, что́ доказывается и дальнѣйшими фактами.

Вскорѣ послѣ того, именно въ февралѣ 1741 года, во время регентства при малолѣтнемъ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ, Эйлеръ проситъ уволить его отъ Академіи, объясняя, что онъ вынужденъ, какъ ради слабаго здоровья, такъ и по другимъ обстоятельствамъ, искать «пріятнѣйшаго климата» и принять сдѣланное ему Прусскимъ королемъ предложеніе.

Съ учеными, которые поступали на службу Академіи, въ то время заключаемъ былъ контрактъ на извѣстное число лѣтъ. Съ Эйлеромъ первоначальный контрактъ возобновленъ былъ въ январѣ 1740 года, но безъ опредѣленія срока его, при чемъ академику, за особенныя заслуги, увеличено жалованье до 1.200 руб.,—суммы, которую получалъ «предокъ его Бернулій». Акаде-

6

мія, принимая во вниманіе разстроенное здоровье Эйлера, особливо его ослабѣвшее зрѣніе, не рѣшилась отказать ему въ увольненіи, но выразила надежду, что онъ, «пришедши въ лучшее здоровье, изъ Нѣмецкой земли опять въ Россію возвратится и Академіи Наукъ бóльшую предъ нынѣшнимъ услугу и пользу принесть можетъ». Извѣстно, что эта надежда въ царствованіе императрицы Екатерины II и осуществилась.

Согласно съ просьбой Эйлера, при переселеніи его въ Германію, принадлежавшій ему въ 10-й линіи домъ опредѣлено взять подъ Академію, уплативъ за него, на основаніи оцѣнки архитектора, 300 р.; а такъ какъ въ этомъ домѣ стоялъ въ то время постоемъ поручикъ Челищевъ, то положено потребовать, чтобы «полицеймейстерская канцелярія приказала этого поручика съ того двора свести и впредь на тотъ дворъ постоя не ставить, *понеже оный дворъ — нынѣ казенный*». Эти немногія выписки могутъ служить образчикомъ тѣхъ обильныхъ свѣдѣній, которыя мы находимъ въ «Матеріалахъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ» относительно ея быта и дѣятельности въ давно прошедшее время.

II.

Посвящая часть своихъ трудовъ исторіи Академіи Наукъ, отдѣленіе русскаго языка и словесности не упускало изъ виду и разработку исторіи учрежденія, отъ котораго само оно ведетъ свое начало. До позднѣйшаго времени о дѣятельности *Россійской Академіи* имѣлись только весьма скудныя и отрывочныя свѣдѣнія. Въ началѣ 1870-хъ годовъ, академикъ Сухомлиновъ предпринялъ обширный трудъ составленія подробной ея исторіи по архивнымъ документамъ. Въ 1874 году вышелъ первый томъ этой исторіи, и съ тѣхъ поръ Михаилъ Ивановичъ посвящалъ ей бóльшую часть времени, остававшагося у него отъ занятій по каѳедрѣ русской словесности въ здѣшнемъ университетѣ. Выпуски слѣдовали одинъ за другимъ, и въ нынѣшнемъ году явился

8-й и послѣдній томъ этой важной для исторіи русскаго просвѣщенія книги.

Въ предыдущихъ томахъ авторъ излагалъ свой предметъ въ формѣ разсмотрѣнія жизни и дѣятельности членовъ Россійской Академіи, просуществовавшей около 60 лѣтъ, отъ 1783 по 1841 годъ. Изданный недавно выпускъ заключаетъ въ себѣ обзоръ главныхъ трудовъ этого учрежденія, и особенно обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ составленія академическаго словаря. Такъ какъ отдѣленіе наше въ настоящее время занято подобнымъ же трудомъ, то этотъ томъ представляетъ для насъ много поучительныхъ указаній, которыми мы и не преминемъ воспользоваться, но для большинства читателей особенно интересенъ общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ относительно значенія Россійской Академіи:

«Болѣе нежели полувѣковое существованіе Россійской Академіи, говоритъ онъ, не прошло безслѣдно для русской литературы и науки. Къ такому заключенію приводитъ безпристрастное свидѣтельство данныхъ, которыми необходимо руководствоваться при оцѣнкѣ академической дѣятельности.

«Въ основной цѣли Россійской Академіи, въ кругѣ академическихъ занятій и предпріятій обнаруживается то стремленіе къ самосознанію, которое такъ ярко выразилось въ нашей умственной жизни во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Мысль о всестороннемъ изученіи нашего отечества проявилась тогда съ особенною силою. Съ этою цѣлью предпринимаемы были научныя путешествія по различнымъ краямъ Россіи, имѣющія такое важное значеніе въ области естественныхъ наукъ; этой же цѣли должно было служить и изученіе духовной стороны русскаго народа — его языка и его исторіи. Главнѣйшею задачею вновь учреждаемой академіи полагалось изученіе и разработка отечественнаго языка, а также и отечественной исторіи. Самое названіе: *Россійская*, данное академіи, какъ бы указывало на ея національное значеніе. Первый періодъ существованія Россійской Академіи ознаменованъ составленіемъ и изданіемъ словопроизвод-

наго словаря, котораго одного достаточно, чтобы сказать, что академія существовала не даромъ (стр. 366). Она добросовѣстно исполнила свою задачу и проложила путь для дальнѣйшихъ работъ на открытомъ ею поприщѣ. Какъ велико было сочувствіе къ Россійской Академіи въ кругу ученыхъ и писателей, можно судить по дѣятельному участію въ трудахъ ея такихъ представителей литературы и науки, какъ Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ, Озерецковскій, и др. Литературный органъ, получившій историческое значеніе—«Собесѣдникъ любителей россійскаго слова»—издавался членами Россійской Академіи; на страницахъ его помѣщались статьи, представляемыя въ Россійскую академію и читанныя въ ея засѣданіяхъ.

«Тяжелая пора настала для академіи со смертью ея основательницы, императрицы Екатерины II, принимавшей непосредственное участіе въ академическихъ трудахъ. Ссылка президента (кн. Дашковой) и явное нерасположеніе власти къ учено-литературному обществу, учрежденному Екатериною II, служили какъ бы подтвержденіемъ тревожныхъ ожиданій. Съ воцареніемъ императора Александра I судьба Россійской Академіи измѣнилась къ лучшему. Все, отнятое у академіи—было ей возвращено. Но зданіе было уже расшатано, и для возстановленія его требовалось много такихъ усилій, которыя были не по силамъ людямъ, желавшимъ призвать академію къ новой жизни. Многіе изъ дѣятелей Екатерининской эпохи сошли въ могилу; не было въ живыхъ ни Фонвизина, ни Лепехина, ни Болтина; княгини Дашковой не могъ замѣнить Нартовъ, назначенный президентомъ. Преемникъ Нартова, Шишковъ сдѣлался полнымъ властелиномъ академіи; его воззрѣнія, его сочувствія, даже его литературные предразсудки находили вѣрный отголосокъ въ сужденіяхъ и приговорахъ Россійской Академіи. Вслѣдствіе этого академія представлялась постороннему наблюдателю не столько учено-литературнымъ обществомъ, безпристрастно оцѣнивающимъ заслуги писателей, сколько литературною партіею, почтительно повторявшею мнѣнія своего руководителя.

«Несмотря однакоже на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, Россійская Академія продолжала приносить свою посильную пользу. Для вѣрнаго вывода въ этомъ отношеніи необходимо припомнить, что Россійская Академія принимала на себя обязанности, которыя впослѣдствіи были раздѣлены между нѣсколькими учрежденіями. Работая надъ словаремъ, расположеннымъ по *азбучному порядку*, составившимъ славу академіи во второй періодъ ея существованія; издавая, одинъ за другимъ, четыре учено-литературныхъ журнала, академія занималась вмѣстѣ съ тѣмъ переводами съ иностранныхъ языковъ на русскій; издала на свои средства нѣсколько замѣчательныхъ произведеній русской литературы и науки; составляла и издавала учебныя книги; оказывала поддержку нуждающимся писателямъ, и т. д. На пособіе писателямъ и на снабженіе едва возникшихъ тогда мѣстныхъ библіотекъ въ различныхъ краяхъ Россіи, академія употребила около *семидесяти тысячъ.* Замѣтимъ, что въ тѣ времена нуждающіеся писатели находили единственную поддержку въ Россійской Академіи: она шла имъ на помощь, выдавая имъ значительныя денежныя суммы, подписываясь на нѣсколько сотъ экземпляровъ издаваемыхъ сочиненій, или же печатая на свой счетъ и предоставляя все изданіе въ пользу автора.

«Нельзя забыть также, что Россійской Академіи принадлежитъ починъ въ литературномъ сближеніи съ славянскимъ міромъ. Среди всеобщаго равнодушія къ славянству, Россійская Академія заговорила о необходимости изучать родственныя намъ славянскія нарѣчія, объ изданіи памятниковъ языка и словесности различныхъ славянскихъ народовъ, и т. п. Россійская Академія приглашала въ свою среду выдающихся славянскихъ ученыхъ и находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянскими учено-литературными обществами и съ замѣчательнѣйшими изъ представителей науки и литературы славянъ — съ Добровскимъ, Копитаромъ, Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ, Ганкою, Караджичемъ, и др. Немало научныхъ трудовъ въ пользу славянства появилось въ свѣтъ, только бла-

годаря щедрымъ пособіямъ со стороны Россійской Академіи; она же давала славянскимъ ученымъ и писателямъ весьма значительныя средства для собиранія и изданія памятниковъ устной и письменной словесности, для этнографическаго изученія славянскаго міра, и т. п.

«Но вмѣстѣ съ свѣтлыми сторонами въ академической дѣятельности были и темныя стороны. Главное ея несчастіе заключалось въ томъ, что она не была предоставлена самой себѣ и не имѣла свободы выбора. Шишковъ распоряжался въ ней полновластнымъ хозяиномъ и вербовалъ своихъ единомышленниковъ, будучи наивно увѣренъ, что они-то и составляютъ настоящее украшеніе литературы. Отсутствіе талантовъ подрывало авторитетъ академіи, и можно ли было довѣрять ея приговорамъ, когда она упорно молчала о Лермонтовѣ, а нѣкоторое время даже о Пушкинѣ, и превозносила поэтическія дарованія Бориса Ѳедорова и кн. Шихматова.

«Долго, чрезвычайно долго господствовало въ академіи подобное недоразумѣніе; но оно должно было *рано или поздно* уступить мѣсто болѣе справедливой оцѣнкѣ писателей. Избраніе Карамзина, Пушкина и Жуковскаго въ члены Россійской Академіи помирило съ нею общественное мнѣніе и наглядно показало, что она не желаетъ плыть противъ теченія и отрицать таланты, которые составляютъ дѣйствительную красу и славу отечественной литературы.

«Пушкинъ признавалъ, что Россійская Академія принесла истинную пользу нашему прекрасному языку, и можетъ, если захочетъ, ободрить и оживить нашу словесность. Краснорѣчивымъ приговоромъ надъ дѣятельностію Россійской Академіи могутъ служить отзывы современниковъ, высказанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ закрытія Россійской Академіи, т. е. преобразованія ея во второе отдѣленіе Академіи Наукъ».

Объ этомъ обстоятельствѣ трудъ М. И. Сухомлинова въ первый разъ сообщаетъ точныя и полныя свѣдѣнія:

«Вліяніе Шишкова, господствовавшее въ академической

жизни и дѣятельности, продолжалось до самой смерти Шишкова. Со смертью его прекратилось и существованіе Россійской Академіи. Докладывая Государю, что президентъ Россійской Академіи Шишковъ — скончался въ ночь съ 9-го на 10-е апрѣля 1841 года, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ присовокупилъ, что впредь до дальнѣйшаго повелѣнія онъ принялъ Россійскую Академію въ непосредственное свое управленіе. Императоръ Николай Павловичъ написалъ на этомъ докладѣ, 11-го апрѣля 1841 года: «Представьте мнѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ». Вслѣдствіе этого Уваровъ представилъ свой проектъ, по которому вмѣсто двухъ академій предполагалось три подъ однимъ названіемъ *Императорскія соединенныя Академіи*, а именно: 1) *Академія Наукъ*, въ кругъ которой входятъ науки математическія и естественныя; 2) *Академія русской словесности*, или *Славяно-русская Академія*, и 3) *Академія исторіи и филологіи*. Государь повелѣлъ, чтобы подъ общимъ названіемъ *Императорской Академіи Наукъ* состояло три отдѣленія.

«Для составленія устава Академіи Наукъ, съ которою соединялась Россійская Академія, учрежденъ былъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Академіи Наукъ князя Дондукова-Корсакова, изъ членовъ: со стороны Россійской Академіи—Востокова и Языкова, со стороны Академіи Наукъ—Френа и Фуса. Составленный этимъ комитетомъ проектъ академическаго устава представленъ въ министерство въ началѣ августа 1841 года; но до октября дѣлу не было дано дальнѣйшаго движенія. На докладѣ о медали, выбитой на пятидесятилѣтіе Россійской Академіи, Государь написалъ: «Пора кончить съ дѣломъ Академіи: Я все жду». Слова эти написаны 14-го октября 1841 года, а на другой день, 15-го октября того же года, Уваровъ представилъ Государю доклады о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ и объ утвержденіи академиковъ и адъюнктовъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Причина замедленія заключалась, по словамъ Уварова, въ

томъ, что дѣло Россійской Академіи, совсѣмъ оконченное, находилось въ числѣ дѣлъ, о которыхъ онъ надѣялся доложить лично, но болѣзнь воспрепятствовала.

«19-го октября 1841 года Государь утвердилъ положеніе объ этомъ отдѣленіи русскаго языка и словесности. Въ первомъ параграфѣ положенія говорится: *Императорская Россійская Академія* присоединяется къ Императорской Академіи Наукъ въ видѣ особаго *Отдѣленія русскаго языка и словесности.* Вслѣдствіе сего вся собственность первой, состоящая въ зданіяхъ, денежныхъ суммахъ и другихъ принадлежностяхъ, обращается въ составъ имущества послѣдней».

Изъ подробностей о ходѣ составленія Россійскою Академіей двухъ ея словарей могу привести здѣсь только самое существенное. Немедленно по учрежденіи своемъ, въ концѣ 1783 года, она приступила къ изготовленію словаря этимологическаго, или словопроизводнаго, и успѣла окончить этотъ обширный трудъ, состоящій изъ 6-ти томовъ, въ теченіе 11-ти лѣтъ, именно въ 1794 году. Ея словарь, по словамъ М. И. Сухомлинова, является общимъ академическимъ трудомъ не только по названію, но и въ дѣйствительности, и принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ трудовъ, появившихся у насъ въ концѣ XVIII столѣтія. Особенно дѣятельное участіе въ его составленіи принимали: Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ и еще нѣсколько ученыхъ и писателей того времени. Конечно, словопроизводный порядокъ словъ не есть въ практическомъ отношеніи самый удобный для словаря; но онъ значительно облегчаетъ первоначальный трудъ. Поэтому-то и Французская академія первоначально издала словарь этимологическій, и лишь сознавъ неудобство этой системы, предприняла переработку его въ азбучный. Покойный нашъ сочленъ И. И. Срезневскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей славянской филологіи, разсматривая первый словарь Россійской Академіи и находя въ немъ много недостатковъ, говоритъ однако жъ: «Виднѣе всѣхъ несовершенствъ его должно быть для насъ то, что въ немъ въ первый разъ собрана и при-

ведена въ порядокъ громада 43.000 словъ уже не одного книжнаго русско-славянскаго языка, но русскаго общественнаго, простонароднаго, ученаго, техническаго. Сравнивая же этотъ словарь русскій со словарями западно-европейскихъ языковъ того времени, нельзя не согласиться, что очень немногіе составлены лучше, сообразнѣе съ потребностями общими... Не тѣмъ бы, говорятъ, должна была начать академія, чѣмъ начала: должна была бы позаботиться болѣе о собираніи и правильномъ и подробномъ объясненіи словъ, чѣмъ о систематизированіи ихъ по корнямъ, предоставивъ хлопоты о словопроизводствѣ на будущее время; но едва ли она могла поступить иначе, сообразно со средствами, которыми могла располагать. Академія знала, что съ помощью однихъ словъ легко припоминать другія слова такого же корня, употребила словопроизводство въ помощь, и едва ли ошиблась въ выборѣ методы, едва ли могла бы сдѣлать свой первый словарь столь обильнымъ, если бы держалась какихъ-нибудь другихъ правилъ. Что̀ касается ея системы словопроизводства, то сколько ни помогла она смѣлостью знанію, она не выходила, при отличеніи корней, изъ предѣловъ простой наглядности, и слѣдовательно не могла себя затруднять рѣшеніями сложныхъ этимологическихъ вопросовъ. *Приготовивши себѣ «Словаремъ словопроизводнымъ» главную часть матеріала*, академія продолжала свои труды заботами объ умноженіи и объясненіи словъ, и черезъ десять лѣтъ по изданіи послѣдней части перваго словаря приступила къ печатанію первой части втораго».

Этотъ второй словарь былъ расположенъ въ азбучномъ порядкѣ. Задача состояла въ приведеніи этимологическаго словаря въ буквенный порядокъ. Въ обоихъ словаряхъ и опредѣленія словъ, и примѣры — одни и тѣ же; все отличіе заключается весьма часто въ самомъ легкомъ измѣненіи редакціи, сокращеніи числа примѣровъ и тому под. Второй словарь, начатый въ 1801 году, сталъ появляться въ 1806-мъ: тогда вышла его первая часть, шестая же и послѣдняя издана въ 1822 году. Въ составъ его, по словамъ того же академика Срезневскаго, вошло до

52.000 словъ языка книжнаго, стараго и новаго, языка народнаго, равно и термины наукъ, художествъ, и т. д. При словахъ менѣе обыкновенныхъ есть свидѣтельства и ссылки на книги, при словахъ обыкновеннаго разговорнаго языка — выраженія поговорочныя. Словарь не полонъ ни по количеству словъ, ни по отличенію смысловъ словъ; въ немъ немало и странностей и ошибокъ, но мысль, руководившая составителей, выкупаетъ ошибки, а время составленія ихъ извиняетъ... Азбучный словарь Академіи останется навсегда однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ первыхъ успѣховъ русской науки и лучшимъ памятникомъ усилій Россійской Академіи.

III.

По примѣру Россійской Академіи, отдѣленіе русскаго языка и словесности первою заботою поставило себѣ изготовленіе новаго, болѣе полнаго и удовлетворительнаго словаря, и черезъ шесть лѣтъ, именно въ 1847 году, издало въ 4 томахъ «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка», въ который вошло 115.000 словъ. Уже вскорѣ послѣ появленія этого труда, Отдѣленіе, желая заранѣе употребить всѣ средства къ усовершенствованію его въ будущемъ, принялось за приготовительныя къ тому работы; но мало-по-малу другія занятія отвлекли его вниманіе отъ этой задачи, и только въ минувшемъ году оно имѣло возможность возвратиться къ давно задуманному дѣлу. Въ прошлогоднемъ отчетѣ А. Ѳ. Бычковъ уже сообщилъ, что оно поручено академику Гроту, который съ тѣхъ поръ, при помощи двухъ молодыхъ магистрантовъ, гг. Смирнова и Пѣтухова, уже и успѣлъ *вчернѣ* обработать слова на 12 первыхъ буквъ. Другія лица приглашены имъ къ выпискѣ примѣровъ изъ лучшихъ писателей; особеннаго упоминанія заслуживаетъ значительное собраніе извлеченій, выписанныхъ г. Шейномъ изъ сочиненій Пушкина. Такимъ образомъ, дѣло подвигается хотя и не быстро, но безостановочно, на сколько это позволяютъ другія,

лежащія на предсѣдательствующемъ обязанности по отдѣленію. Существенное отличіе будущаго изданія академическаго словаря отъ прежнихъ заключается въ томъ, что это будетъ *словарь собственно русскаго языка*. Въ эпоху составленія первоначальнаго словаря, да и при позднѣйшей переработкѣ его, вовсе еще не было особыхъ словарей церковно-славянскаго языка; самое понятіе объ отдѣльномъ отъ него существованіи русскаго языка не было вполнѣ выяснено. Теперь же, когда мы имѣемъ словари Востокова и Миклошича, нѣтъ уже надобности мѣшать въ одномъ и томъ же лексиконѣ два разныхъ нарѣчія; само собою разумѣется, однако, что изъ русскаго словаря не могутъ быть исключаемы тѣ церковно-славянскія слова, которыя пріобрѣли право гражданства въ русскомъ или получили общую извѣстность изъ исторіи. Даже и старинныя русскія, но малоизвѣстныя слова предполагается исключить изъ словаря на томъ основаніи, что въ настоящее время Отдѣленіе печатаетъ *древне-русскій словарь*, составленный академикомъ И. И. Срезневскимъ. Приведенный въ порядокъ дочерью покойнаго, Ольгою Измайловною, онъ печатается, при ея участіи въ окончательной редакціи,— подъ наблюденіемъ академика Бычкова.

Печатаніе литовско-русскаго словаря, оставленнаго въ рукописи покойнымъ И. В. Юшкевичемъ, продолжалось подъ надзоромъ профессора Московскаго университета Ф. Ѳ. Фортунатова.

Академикъ А. Н. Веселовскій, продолжая свои изслѣдованія по исторіи романа и повѣсти, напечаталъ въ академическомъ изданіи обширное приложеніе къ прежнему труду, подъ заглавіемъ: *Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ*. Поводомъ къ этой работѣ послужила сообщенная ему румынскимъ ученымъ, д-ромъ Гастеромъ, любопытная еврейская Александрія XII вѣка, бросающая новый свѣтъ на литературную исторію Псевдокаллисѳена въ средневѣковой Европѣ и у славянъ. Главные результаты этой работы были изложены авторомъ въ Giornale storico della letteratura italiana, t. IX, по поводу отчета о

книгѣ Paul Meyer'a: Alexandre le Grand dans la littérature française du moyen âge (Paris, 1886, 2 vol.). Второй томъ изслѣдованій по исторіи романа и повѣсти посвященъ троянской притчѣ и бѣлорусскимъ повѣстямъ, найденнымъ въ одномъ познанскомъ сборникѣ XVI вѣка: въ ихъ числѣ единственный экземпляръ русскаго Тристана и древнѣйшая редакція сказки о Бовѣ. Текстъ познанскихъ повѣстей уже отпечатанъ, отрывки изслѣдованія о нихъ явились на страницахъ «Журнала Мин. Народн. Просв.» *(Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ и Бовѣ въ познанской рукописи XVI вѣка)*. Общій выводъ, получаемый изъ сравнительнаго разбора текстовъ, позволяетъ выдѣлить въ исторіи спеціально-русскихъ повѣстей особую ихъ группу, посредствующую между древнею, слѣдовавшею византійскимъ образцамъ, и позднѣйшею, приходившею съ запада черезъ Польшу, тогда какъ тѣ же западныя, ближе — итальянскія вліянія, оказывается, достигали насъ и раньше при посредствѣ переводовъ съ сербскаго. Для исторіи литературнаго усвоенія западныхъ идей и рыцарскихъ понятій на почвѣ славянства тексты, объединенные авторомъ подъ названіемъ *Славяно-романскихъ повѣстей*, даютъ не безынтересный матеріалъ.

Къ той же литературной области относится и другая работа академика Веселовскаго, явившаяся недавно въ академическомъ изданіи подъ заглавіемъ: *Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка. M-me d'Aulnoy, Histoire d'Hypolite, и лубочныя сказки о принцѣ Адольфѣ*. Послѣдняя оказывается неумѣлымъ сокращеніемъ перевода, сдѣланнаго въ половинѣ прошлаго столѣтія, одного эпизода изъ упомянутаго романа M-me d'Aulnoy.

Другія работы и отчеты А. Н. Веселовскаго печатались въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Archiv für slavische Philologie*.

Академикъ И. В. Ягичъ, къ сожалѣнію, могъ только издали участвовать въ занятіяхъ отдѣленія, на сколько ему позволяло свободное время, которое въ первый годъ его дѣятельности при

Вѣнскомъ университетѣ было по необходимости ограничено. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ начатые въ Россіи труды, и въ дополненіе къ изданной имъ здѣсь перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ печаталъ *корреспонденцію разныхъ западно-славянскихъ филологовъ-славистовъ* то между собою, то съ русскими современниками, какъ важный источникъ для будущей исторіи славянской науки. Кромѣ того, онъ предпринялъ новый, цѣнный въ этомъ же смыслѣ трудъ, который долженъ будетъ представить въ одномъ цѣломъ все то, что въ теченіе прошлыхъ столѣтій высказывалось о церковно-славянскомъ языкѣ у южныхъ славянъ и у насъ, въ Россіи, въ видѣ разсужденій о языкѣ, о правописаніи, о задачахъ переводовъ на славянскій языкъ съ греческаго, и т. п. Для изученія этого вопроса нашъ сочленъ пріѣзжалъ лѣтомъ нынѣшняго года въ Петербургъ и въ Москву, и затѣмъ представилъ въ Отдѣленіе докладную о томъ записку, въ которой говоритъ, между прочимъ: «Церковно-славянскій языкъ, какъ органъ духовной жизни громаднаго большинства славянскихъ народовъ, занималъ у нихъ въ продолженіе многихъ столѣтій такое же положеніе, какое выпало на долю латинскаго въ средніе вѣка Западной Европы. Поэтому, надо полагать, онъ долженъ былъ быть усердно изучаемъ. Но это изученіе шло безгласно, преимущественно путемъ практическаго усвоенія словъ, выраженій и оборотовъ, попадающихся въ церковныхъ книгахъ. Изъ столѣтія въ столѣтіе передавался этотъ языкъ по книгамъ. Иногда, хотя вообще довольно рѣдко, слышатся также и теоретическіе отзывы о церковно-славянскомъ языкѣ: то разсуждается о значеніи его наряду съ греческимъ и латинскимъ, при чемъ усердно отстаиваются права его, то выставляется трудность задачи переводить съ греческаго на славянскій языкъ, наконецъ дѣлаются попытки пониманія этого языка посредствомъ различныхъ объясненій и словотолкованій, или же замѣтно стараніе обезпечить исправное примѣненіе его въ письменности путемъ правилъ орѳографическихъ и грамматическихъ.

«Мало, слишкомъ мало вниманія обращалось до сихъ поръ на

эту сторону церковно-славянскаго языка: ее обходили молчаніемъ, какъ будто бы она не существовала или не имѣла для нашего времени никакого болѣе значенія. Но такой взглядъ былъ бы не совсѣмъ вѣренъ. То, чтò въ теченіе многихъ столѣтій продолжало быть предметомъ теоретическаго обсужденія, чтó служило руководствомъ для людей грамотныхъ при передачѣ «божественнаго» писанія, не можетъ и не должно быть чуждо нашимъ научнымъ интересамъ. Мы должны познакомиться съ этими теоріями, потому что онѣ важны для оцѣнки воззрѣній стараго времени, господствовавшихъ впрочемъ еще недавно (при обученіи грамотѣ нашихъ дьячковъ); онѣ дадутъ намъ ключъ къ уразумѣнію различныхъ тонкостей, довольно искусственныхъ по своему характеру, но строго соблюдаемыхъ въ рукописяхъ церковнаго письма въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ».

Изучая этотъ предметъ по южно-славянскимъ и русскимъ рукописямъ, академикъ Ягичъ убѣдился, что подобрать весь этотъ матеріалъ въ одно цѣлое представило бы для исторіи церковно-славянскаго языка трудъ очень полезный. Вотъ почему онъ и взялся за это дѣло, и успѣлъ уже приготовить часть его, именно ту, которая составитъ первую половину сборника, задуманнаго имъ подъ заглавіемъ: «*Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ*». Цѣлое изданіе по плану, указанному самимъ содержаніемъ, должно состоять изъ двухъ частей: грамматической и лексической.

Журнала «Archiv für slavische Philologie, издаваемаго И. В. Ягичемъ въ Берлинѣ, вышелъ X-й томъ при участіи въ немъ, кромѣ нашего сочлена, какъ редактора, еще многихъ другихъ спеціалистовъ, филологовъ, въ числѣ которыхъ всегда есть и русскіе ученые.

IV.

Двумя изъ членовъ Отдѣленія собраны въ настоящемъ году нѣкоторыя изъ прежде изданныхъ ими статей.

Подъ заглавіемъ *Народная поэзія*, академикъ Ѳ. И. Буслаевъ

напечаталъ томъ своихъ монографій, относящихся къ изслѣдованію древнихъ памятниковъ народнаго творчества въ стихотворной формѣ и остававшихся до сихъ поръ разсѣянными въ разныхъ журналахъ. Хотя бо́льшая часть этихъ статей въ первый разъ появилась около четверти вѣка тому назадъ, но всѣ онѣ составляютъ результатъ такого основательнаго изученія русской старины и народности, что и теперь еще не утратили своего достоинства и интереса. Въ краткомъ предисловіи авторъ замѣчаетъ, что господствующая въ нихъ точка зрѣнія устарѣла, что ученіе о самобытности народныхъ основъ миѳологіи, обычаевъ и сказаній, которое онъ проводилъ въ этихъ монографіяхъ, уступило мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Нельзя однакожъ не замѣтить, что и г. Буслаевъ въ своихъ изслѣдованіяхъ русской народности, благодаря обширному знакомству съ западно-европейскими произведеніями народной словесности, безпрестанно находитъ въ нихъ аналогіи съ памятниками русскаго эпоса и удачно пользуется сравнительнымъ методомъ для объясненія въ послѣднихъ того, что́ иначе оставалось бы непонятнымъ. Первое мѣсто и по обширности и по значенію занимаетъ въ этомъ сборникѣ статья, озаглавленная *Русскій богатырскій эпосъ*. Какъ образчикъ изслѣдованій академика Буслаева, приведу изъ этой статьи любопытное мѣсто относительно распространенности у славянъ почитанія рѣкъ.

«Миѳическія представленія свѣта, солнца, огня, неба, вѣтровъ — могутъ быть объяснены независимо отъ мѣстной обстановки тѣхъ племенъ, гдѣ эти представленія живутъ и развиваются. Иное дѣло съ рѣками и горами. Здѣсь общее представленіе о водѣ или возвышенности непремѣнно пріурочивается къ извѣстной мѣстности, а уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ индивидуальнымъ особенностямъ народнаго быта, состоящаго въ тѣсной связи съ условіями мѣстными.

«Народный эпосъ воспѣваетъ миѳическія и героическія личности Дуная, Дона, Днѣпра и Днѣпры, или Нѣпры, Волхова,

Смородины, не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ миѳовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху своего миѳологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индоевропейской миѳологіи и еще во всей свѣжести возсоздавая миѳическія основы своего народнаго эпоса, разсѣялись по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ рѣки предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ пастуховъ и земледѣльцевъ. Соображаясь съ бытомъ и представленіемъ славянскихъ племенъ, Несторъ описываетъ ихъ разселеніе по рѣкамъ» (стр. 27).

«Разселяясь и садясь по рѣкамъ, славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ быть вынесенныя изъ первобытной родины съ отдаленнаго Востока, и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще и потомъ уже получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ рѣки *Сава*, *Драва*, *Одра* или *Одеръ*, *Ра*, *Упа*, *Донъ*, *Дунай*, древнѣйшаго индоевропейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще; или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индоевропейскихъ корней, въ большей части сохранившихся въ санскритѣ. Племена, выселившіяся изъ общей арійской родины въ Европу, вынесли съ собою общее индоевропейское имя рѣки вообще *дуни*, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у осетинцевъ формы *дун* и *дон* означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у славянъ *Донъ* получило смыслъ собственнаго имени, а форма *дун*, съ окончаніемъ *авъ*, именно *Дунавъ*, и потомъ *Дунай* имѣетъ значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ, напримѣръ, поется въ одной польской пѣснѣ: *За рѣками... за Дунаями*».

«Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей. По мѣрѣ того, какъ нарицательныя имена *Донъ*, *Дунай*, *Днѣпръ*, означавшія рѣку вообще, стали болѣе и болѣе опредѣлять свой собственный, индивидуальный характеръ, въ памяти и воображеніи славянскихъ племенъ болѣе и болѣе оказывалась потребность оживить фантазіей эти отвлеченныя имена, придать имъ личную индивидуальность, т. е. олицетворить въ опредѣленной формѣ человѣческаго образа» (стр. 28—29).

Такимъ образомъ г. Буслаевъ часто прибѣгаетъ къ пособію филологіи для своихъ выводовъ относительно вѣрованій и преданій народныхъ. О самомъ словѣ *богатырь*, какъ названіи героя эпическихъ сказаній, мы находимъ въ разсматриваемой статьѣ слѣдующее объясненіе:

«Слово *богатырь* особенно распространено въ русской народной поэзіи. Кромѣ поляковъ, ни у кого изъ прочихъ славянскихъ племенъ его нѣтъ. Вмѣсто его употребляютъ то *юнакъ*, то *грдина*, то какое-нибудь другое реченіе.

«Въ древнерусской письменности до самыхъ татаръ слово *богатырь* не встрѣчается, и самая мысль о героѣ, какъ кажется, не имѣла для себя въ языкѣ установившейся, одной, опредѣленной формы. Гдѣ бы слѣдовало сказать *богатырь*, мы читаемъ то *кметъ* (въ Словѣ о полку Игоревѣ), то *витязь* (въ Лѣтописи Переяславск.), то просто *мужъ*, *воинъ*, *храбрый*, и др. Далѣе, въ позднѣйшихъ памятникахъ, рядомъ съ *богатыремъ*, какъ бы въ дополненіе мысли, употребляются *удалецъ*, *рѣзвецъ* (въ Рязанск. повѣсти объ Евпатіи Коловратѣ).

«Только со временъ татаръ и первоначально—сколько мнѣ извѣстно—только о татарскихъ воеводахъ стало у насъ употребляться слово *богатырь*, и что́ особенно важно, какъ варіантъ формы *богатуръ* (монгольск. baghatur). А именно въ Ипат. спискѣ лѣтоп. (XIV—XV в.), подъ 1240 г., между батыевыми воеводами встрѣчаемъ: «Се бѣдяй (вар. Себедяй) *богатуръ* и бурундай *богатуръ*». При этомъ реченіи варіанты: *багатырь* и *богатырь*.

Далѣе тамъ же, подъ 1243 г., читаемъ, какъ къ князю Даніилу въ Холмъ прибѣжалъ половчанинъ Актай и говорилъ: «Батый воротился изо Угоръ, и отрядилъ есть на тя два *богатыря* возъискати тебе, Монъ-мана и Балаа». Ясно, что слово *богатырь*, по монгольскому обычаю, употреблялось въ нашихъ лѣтописяхъ въ видѣ титула при собственныхъ именахъ» (стр. 144 и 145).

Изданное Отдѣленіемъ собраніе статей академика Грота вызвано было чествованіемъ въ началѣ года памяти Пушкина по поводу исполнившагося тогда пятидесятилѣтія со дня его кончины. Книга носитъ заглавіе: *Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники*, но заключаетъ въ себѣ и нѣсколько статей, относящихся къ позднѣйшимъ эпохамъ жизни поэта.

Этотъ небольшой сборникъ и начинается рѣчью, произнесенною составителемъ его въ Александровскомъ лицеѣ 29-го января. Отдѣленіе не могло не откликнуться на выраженное во всѣхъ концахъ Россіи желаніе воспользоваться случаемъ, чтобы почтить память великаго поэта. Въ ознаменованіе этихъ поминокъ и былъ предпринятъ трудъ, посвященный дорогой отечеству славѣ.

Исполнившееся въ этомъ же году столѣтіе со дня рожденія другого даровитаго и высоко-цѣнимаго потомствомъ писателя К. Н. Батюшкова, послужило поводомъ къ торжественному засѣданію Отдѣленія, соединившему въ стѣнахъ Академіи многочисленную и блестящую публику. Произнесенныя въ этомъ собраніи академикомъ Гротомъ и корреспондентомъ нашимъ Л. Н. Майковымъ рѣчи уже напечатаны.

Въ нынѣшнемъ же году праздновался пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности члена-корреспондента Академіи Наукъ Я. П. Полонскаго. Отдѣленіе поставило себѣ въ особенное удовольствіе принять участіе въ этомъ единодушномъ чествованіи любимаго русскимъ обществомъ таланта и привѣтствовало Якова Петровича адресомъ. Позднѣе Отдѣленіе пригласило г. Полонскаго въ члены комиссіи по конкурсу на Пушкинскія преміи, и въ знакъ благодарности Академіи за оказанное ей въ этомъ случаѣ содѣйствіе присудило ему золотую Пушкинскую медаль.

V.

Изъ принадлежащихъ постороннимъ ученымъ трудовъ, изданіе которыхъ Отдѣленіе приняло на себя и которые въ истекающемъ году печатались, слѣдуетъ упомянуть:

1. Издаваемый подъ наблюденіемъ академика Бычкова *Бѣлорусскій сборникъ* П. В. Шейна, собраніе народныхъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Въ 1887 году появился первый обширный томъ этого собранія; продолженіе печатается.

2. *Описаніе Черногоріи*, составленное на мѣстахъ извѣстнымъ путешественникомъ Павл. Апол. Ровинскимъ. Географическій и этнографическій отдѣлы этого описанія уже окончены печатаніемъ; теперь идетъ часть историческая.

3. *Біографія* одного изъ дѣятелей Академіи Наукъ въ прошломъ столѣтіи, натуралиста Эрика Лаксмана, составленная на шведскомъ языкѣ профессоромъ Лагусомъ и издаваемая въ русскомъ переводѣ г. Паландера.

Два послѣднихъ труда печатаются подъ наблюденіемъ академика Грота, а такъ какъ для вѣрной передачи подлинника біографіи Лаксмана необходимы, сверхъ знанія языковъ, спеціальныя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, то въ просмотрѣ печатаемаго перевода принимаютъ постоянное участіе члены физико-математическаго отдѣленія, гг. академики Аксель Вильгельм. Гадолинъ и Карлъ Ив. Максимовичъ.

Въ 1883 году, по просьбѣ вдовы профессора А. А. Котляревскаго и на пожертвованныя ею средства учреждена при Академіи Наукъ премія имени Котляревскаго за лучшія изслѣдованія по славянской филологіи и археологіи. Въ то же время Отдѣленіе, цѣня заслуги покойнаго по разработкѣ русской и славянской старины, опредѣлило, согласно желанію г-жи Котляревской, напечатать собраніе трудовъ его, помѣщенныхъ большею частью въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Нынѣ эти труды,

по просмотрѣ ихъ Отдѣленіемъ, приведены въ хронологическій порядокъ, и въ наступающемъ году предположено приступить къ печатанію ихъ.

Въ заключеніе мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ предпріятіи Отдѣленія. По окончаніи «Исторіи Россійской Академіи», М. И. Сухомлиновъ заявилъ о своей готовности заняться изданіемъ *Полнаго собранія сочиненій Ломоносова*, какъ трудомъ, давно признаваемымъ одною изъ задачъ Академіи. По представленной г. Сухомлиновымъ программѣ, предполагается напечатать всѣ безъ исключенія сочиненія и письма Ломоносова по подлиннымъ рукописямъ, если таковыя сохранились, въ хронологическомъ порядкѣ, и съ примѣчаніями, объясняющими, по какому поводу каждое сочиненіе было написано и гдѣ впервые напечатано; въ составъ изданія войдетъ и біографія Ломоносова. Отдѣленіе, выразивъ живѣйшее сочувствіе къ этому предпріятію, о которомъ оно давно уже помышляло, вполнѣ одобрило изложенную программу. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно опредѣлило обратиться ко всѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ могутъ находиться матеріалы этого рода, въ особенности же частныя письма Ломоносова, съ просьбою не отказать въ сообщеніи подобныхъ документовъ, какъ бы незначительны ни оказались они, на время въ Академію, адресуя: «Въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности». Каждый такой документъ будетъ тщательно сбереженъ и по минованіи надобности возвращенъ владѣльцу въ полной сохранности. Отдѣленіе ласкаетъ себя надеждою, что предпріятіе это будетъ сочувственно встрѣчено всѣми просвѣщенными соотечественниками и что русское общество охотно окажетъ Академіи содѣйствіе къ успѣшному его исполненію.